

A portrait of a man with a dark beard and mustache, wearing a dark suit and a blue tie. He is holding a book or a scroll. The background is dark and textured. The portrait is framed by a rough, dark border.

Сергей Глаголь,
Игорь Грабарь

Исаак
Левитан

Игорь Грабарь
Исаак Левитан

«СОЮЗ»

1913

Грабарь И. Э.

Исаак Левитан / И. Э. Грабарь — «СОЮЗ», 1913

ISBN 978-5-6050128-8-7

Как известно, жизнь каждого яркого дарования делится обычно на три периода. Сначала его осыпают насмешками и бранью, всячески угнетают и преследуют. Потом открывается счастливое время признания, за которым следуют дни восторженного поклонения. Наконец, так же неминуемо наступает охлаждение, сопровождающееся нередко резкими выпадами по адресу недавнего любимца и властителя дум. Этой трафаретной схемы избежали немногие даровитые люди, и единственный вариант, вносимый в нее жизнью, сводится к тому, что одни умирают в расцвете славы, а другим суждено ее пережить, изведать к концу жизни всю горечь забвения. Исключения почти не встречаются. По такому же трафарету сложилась и жизнь Левитана. Рассказ о судьбе и творчестве этого удивительного художника ждет вас в этой книге.

ISBN 978-5-6050128-8-7

© Грабарь И. Э., 1913

© СОЮЗ, 1913

Содержание

Художественный облик Левитана	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Глаголь, Игорь Грабарь Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Художественный облик Левитана

Как известно, жизнь каждого яркого дарования делится обычно на три периода. Сначала его осыпают насмешками и бранью, всячески угнетают и преследуют. Потом открывается счастливое время признания, за которым следуют дни восторженного поклонения. Наконец, так же неминуемо наступает охлаждение, сопровождающееся нередко резкими выпадами по адресу недавнего любимца и властителя дум. Этой трафаретной схемы избежали немногие даровитые люди, и единственный вариант, вносимый в нее жизнью, сводится к тому, что одни умирают в расцвете славы, а другим суждено ее пережить, изведать к концу жизни всю горечь забвения. Исключения почти не встречаются.

По такому же трафарету сложилась и жизнь Левитана. Сперва его гонят с передвижной выставки, заправила которой – отчасти здравствующие и поныне только глумятся над его «неконченной живописью». Из четырех картин, отправляемых им на выставку, принимают только одну. Но постепенно картины его становятся настолько заметными, и о них все так много говорят, что Левитана с грехом пополам «признают». Понемногу он превращается в одного из популярнейших русских художников. Имя Левитана становится нарицательным даже в самых широких кругах, почти таким, каким раньше долгое время было имя Айвазовского. Левитан умер в зените своей славы, и лишь значительно позже стал намечаться ее ущерб. Пришли новые времена, новые люди и новые идеи, и живопись Левитана как будто утратила долю своего прежнего обаяния. За крикливой суетой, гомомом и пестротой новейшей художественной жизни она многим кажется бедной и тусклой. Но разве чудесный, нежный, обаятельный голос талантливового певца не затеряется среди шума и крика толпы? И разве можно заметить кусок драгоценного старого венецианского бархата среди беспорядочной кучи свежо намалеванных суриком и медянкой вывесок базара?

Левитан – это целая полоса русской живописи, такая же, какой в литературе был Тургеневский период. И Левитановский пейзаж не без основания приравнивали к Тургеневской природе. Даже само «охлаждение» к Левитану похоже на «охлаждение» к Тургеневу, так как оно прежде всего коснулось стилистической стороны творчества обоих художников. Приелась простая, немудреная еда и всех потянуло на всяческие кулинарные ухищрения и гастрономические трюки: только бы побольше пряностей и остроты. Но приелась и острота, и захотелось корки черного хлеба. Хорош только грубый «мужичий» стол. И стало любо и дорого только грубое, и топорное. Среди этой кинематографической быстроты в смене настроений и неврастенической растерянности, друзья Левитана спокойно могут выжидать, когда в фантастической скачке очередь снова дойдет до его картин. А она несомненно дойдет, и время это не за горами.

В конце 1880-х годов среди молодых Московских художников, только что переживших эпоху страстного увлечения западноевропейской живописью, стало намечаться тяготение ко всему родному. То была естественная реакция против предыдущих лет, когда совершались чуть ли не ежедневные паломничества в картинные галереи «художественных западников» Дмитрия Петровича Боткина и Сергея Михайловича Третьякова, где были шедевры новейшей французской школы, главным образом произведения Барбизонских мастеров. Нельзя сказать, чтобы увлечение французским искусством неожиданно прошло: все так же восхищались картинами Коро и Милле, и даже эпигоны их вызывали восторги, но, преклоняясь перед барбизонцами, в них начали ценить великих национальных художников, неподражаемо передававших свою родную, французскую природу. И центр тяжести от красивой, приятной, выхоленной и «вкусной» живописи понемногу стал передвигаться в сторону национализации пейзажа. Шишкин со своими вечными соснами казался каким-то интернациональным пейзажистом, любившим больше красоту дерева и леса вообще, нежели русского дерева и русского леса. Как раз

в это же самое время закипела работа в Абрамцеве у Саввы Ивановича Мамонтова. Вскоре и в Мамонтовской опере стала появляться на ряду с «итальянщиной» русская музыка «Снегурочки, и занималась заря Садко и Салтана. На художниках, вышедших из школы Саврасова и позже Поленова, не могли не отразиться так или иначе те чувства и настроения, которые толкнули в область декоративного и прикладного искусства Виктора Васнецова, Василия Поленова, Елену Поленову, Александра Головина и Марию Якунчикову. Охватившее всех настроение было какой-то безотчетной тоской по родной природе. Было похоже на то, как будто все в течение долгих лет находились взаперти, где-то в неведомом замке, из окон которого, куда ни взглянешь, открывались бесконечные перспективы «иностранных» пейзажей, то немецких – Ахенбаховских, то швейцарских – Каламовских, то мнимо итальянских – академически холодных. Но вот пришли из Барбизона французы и открыли настежь двери замка, выпустив узников на свободу. И только тогда обнаружилось, что иностранные пейзажи в окнах были чистой абберрацией, каким-то непонятным оптическим обманом, почти дьявольским наваждением: кругом расстился чудесный русский пейзаж, с далекими полями, овражками, весенними ручьями, перелесками, березками и осинками. Все словно опьянели от счастья, захлебываясь от восторга, делились друг с другом радостными впечатлениями, от которых сладко кружилась голова.

Открылась эпоха «искания Руси». Искали наилучшего выражения того, что зовется русским духом, искали русской красоты, русской природы и даже русского отношения к ней, русского миропонимания. Где бы ни встречались тогдашние художники-москвичи, разговор тотчас же переходил на волновавшую всех тему. На все лады толковали о «русской сути» и, показывая свои летние этюды, жадно ловили замечания товарищей о «русских» и «нерусских» мотивах. Насколько это было на языке у всех, можно увидеть из характерного замечания, оброненного мимоходом наиболее влиятельным и уже немолодым художником тогдашней Москвы. Даровитый петербуржец, заканчивавший в то время Академию Художеств, прислал на конкурсную выставку Московского Общества Любителей Художеств портрет девушки, приобретенный тогда Третьяковым. Популярный москвич был решительно против присуждения премии автору портрета в виду того, что последний написан «не по-русски» – «Ну разве эта рука по-русски написана?» – спрашивал он, подводя членов жюри к картине. Теперь все это кажется только забавным и анекдотическим, но тогда дело шло о большой исторической задаче, своего рода миссии, и все чувствовали, что на их плечах лежит тяжкая и ответственная ноша. Все сознавали, что совершается знаменательный перелом в русской живописи, и каждому хотелось внести свое толкование. Левитан был всецело захвачен общим увлечением, и больше других задумывался над вопросом о русских элементах подмосковного и Волжского пейзажа. И если не он поставил саму задачу, то он дал лучшее ее решение: Левитан любил русскую природу фанатически, почти исступленно и, благодаря своей особой чуткости и нервной проникновенности, он сумел вобрать в себя все мысли и чувства, которыми горели его сверстники и товарищи. Претворив их в своем индивидуальном, ему одному присущем лиризме, он вылил все это в длинном ряде картин, отразивших искания целого поколения. Левитановские картины тем и значительны, что они – результат собирательного творчества. Вот почему Левитана так часто упрекали в «профитерстве», в хищническом использовании чужих мотивов, не им самим подмеченными в природе. У него было немало историй с товарищами, обвинявшими его в плагиате мотива. Теперь это звучит странно, но в то время мотив пейзажа означал зачастую всю суть его. Потому что ни в чем другом, как собственно в этом мотиве, видели обычно разгадку «Руси». Погоня за мотивами заслоняла одно время те стороны Левитановского творчества, которыми он был сильнее своих сверстников. Он серьезнее, строже и главное, систематичнее изучал природу и, благодаря огромной работе, лучше, чем кто-либо умел выражать то впечатление, которого добивался. Он был самым большим, и самым мудрым мастером русского пейзажа. Блестящий художник, он понимал, задачи живописи не так примитивно, как

прямолинейный Шишкин, часто впадавший в фотографическую точность. Рисунок Левитана необычайно гибок, и в него вкладываются самые разнообразные и прихотливые возможности.

В зависимости от темы и настроения, он пишет то деловито и сурово, оставаясь на строго реалистической почве, то вдруг уходит от «будней» в область чистой живописи, и тогда создает несравненные холсты с той чудесной поверхностью, тонкой, драгоценной, почти эмалевой, которая бывает только на картинах величайших мастеров-живописцев.

Но живопись Левитановских картин далеко не главное их достоинство, и не за нее мы любили его. Не из-за одних только красок – пусть тусклых сейчас, тогда же горевших для нас самоцветными камнями – мы с нетерпением ждали некогда открытия Передвижной выставки, и жадно искали уголка с его новыми картинами. Каждая из них была для нас новым открытием, ни с чем не сравнимым наслаждением и радостью. Они вселяли бодрость и веру в нас, они заражали и поднимали. Хотелось жить и работать. Велика должна быть сила художественных произведений, если они действуют столь неотразимо и благодатно. В них есть дыхание истинной жизни и скрыта подлинная поэзия. Поэтому сквозь их, сейчас, быть может, чуть-чуть старомодный красочный наряд и через головы самых модных живописцев, из глубины вызвавшего их к жизни чувства до сих пор светит и не перестанет светить таинственно прекрасное приветливое искусство великого поэта русской природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.